

Вы хотите добра, а жалеете, что в вас мало зла, что в вас нет страстей. Вы хотите истины, а жалеете и как будто завидуете, что у вас нет ничего хищного. Да что же хорошо, что дурно? Вы очевидно не знаете так, чтобы не бояться ошибиться, делая добро». ¹³⁰

Толстого глубоко разочаровала исповедь Страхова, его застарелая духовная болезнь, поразительная спутанность всех чувств и понятий (примечательно и то, что многие черты характера, столь выпукло очерченные в ней, перекликаются с «семинаристскими» чертами в ироническом и памфлетном портрете критика, в раздраженном настроении набросанном Достоевским). Теперь Толстой уже не только не уговаривает Страхова написать биографию, а самым решительным образом отговаривает от этого: «И вам писать свою жизнь нельзя. Вы не знаете, что хорошо, что дурно было в ней. А надо знать. Если вы умели ходить прежде когда-нибудь в детстве, если другие ходят, то вы должны ходить, а если не ходите, то вы пьяны, больны, надо отрезвиться, лечиться. По тому пути, по которому вы идете, вы ни к чему не можете прийти, кроме как к отчаянию, стало быть, дорога не та и надо вернуться назад». ¹³¹

Содержит письмо и духовное наставление, — пастырское, учительское, как будто с Синая провозглашаемое: «Верьте, перенесите центр тяжести в мир духовный, все цели вашей жизни, все желания ваши выходили бы из него, и тогда вы найдете покой в жизни. Делайте дела Божии, исполняйте волю Отца, и тогда вы увидите свет и поймете.

Признак истины не в разуме, а в истинности истины всей жизни. Переносите усиленно, сознательно свою жизнь на духовную, одну духовную сторону, и вы найдете покой душам вашим, и бремя пресыщения и перегрузка свалится с вас, и вам станет легко». ¹³²

Покончив с поучениями и наставлениями, Толстой с неудовольствием оглянулся на написанное: слишком уж наставительно, да и тон какой-то назидательный, позволяющий предположить, что он обладает высшей истиной и не ведает сомнений. Однако он не мог чувствовать в этом не только некоторой неловкости, но и фальши. Толстой решает не посылать это письмо. Сомневается и в том, что напечатает и то большое религиозно-философское сочинение исповедального характера, над которым тогда мучительно работал: «Должно быть, не пошлю это. Я очень занят работой для себя, которой никогда не напечатаяю». ¹³³

Откликнулся на признания Страхова Толстой коротким и мягким, душевным ответом, сняв почти все наставления, радикально переменив тон. Счел тем не менее нужным сообщить Страхову, что «длинное письмо», предшествующее этому, не посылает. Страхов несколько раз просил все-таки его прислать («Почему бы не послать? Я бы верно многому научился, и уверяю Вас — не могу придумать, как я могу обидеться на какие бы то ни было Ваши мысли. Если хотите быть добрыми до конца, пришлите»), ¹³⁴ но Толстой не пожелал быть до конца добрым, вынужденно слукавил: «Письмо к вам затерял, да оно не стоило того. Я лучше вам всё скажу, когда Бог даст свидеться». ¹³⁵

Убрав проповедь и резкие определения, Толстой сохранил из «длинного» письма главное: «Письмо ваше нехорошо и душевное состояние ваше не-

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. С. 545—546.

¹³² Там же. С. 546.

¹³³ Там же.

¹³⁴ Там же. С. 548.

¹³⁵ Там же. С. 550.